

Cristiano Parafioriti

От любви и
разбойников

роман

Cristiano Parafioriti

От Любви И Разбойников

Аннотация

Сицилия 1860 г. Плебисцит санкционирует окончательное присоединение острова к зарождающемуся Королевству Италия. Несколько лет спустя в Галати ди Торторичи (нынешний Галати Мамертино) оккультная монахиня с особой тщательностью написала в церковной книге пользующийся большим спросом, дневник местного разбойника, который во главе вооруженной банды более трех лет упорно сражался с савойскими войсками. Разгром мятежников не успокоил охоту за рукописью, напротив, она достигла неожиданных моментов жестокости. Но что было в этом дневнике столь компрометирующего, что его так упорно искали? После увлекательных историй «Это была моя Страна» (2014) и «Сицилитудине» (2016) Криштиану Парафиорити этим захватывающим историческим романом завершает свою «Трилогию происхождения». Пурпурные истории о крови и любви, усеянные яростными битвами оружия и страсти, переплетаются, неумолимо ведя всех главных героев этих изношенных страниц к неизбежной и кровавой схватке.

Translator: ELENA SANTI

Содержание

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА	5
КАЖДОЕ ПРОКЛЯТОЕ УТРО	6
ПОБЕГ В ТРУНГАЛИ	8
ОДИНОЧЕСТВО	12
ВЕРИТАС	15
ερηκα (ЕУРЕКА)	23
ДРУГОЕ ЕВАНГЕЛИЕ	27
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Cristiano Parafioriti

От любви и разбойников

роман

Перевод: Elena Vatrakova

От любви и разбойников

Кристиано Парафиорити © 2021

Фотография для обложки

предоставлена Нунцио Ди Дио

Вёрстка и графика

Сальваторе Лечче

«Хочу, чтобы они все сдохли! Все: крестьяне, разбойники и враги Савойи, враги Пьемонта, мятежники мира. Смерть мерзавцам, смерть этим ужасным сукиным сынам, мне не нужны свидетели, скажем, что они все разбойники».

(Полковник Пьер Элеоноро Негри. Приказ генерала Энрико Чалдини, лейтенанту короля Виктора Эммануила II, Август 1861 года).

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА

Это произведение фантазия. Персонажи, организации и обстоятельства являются плодом воображения автора, если таковые имеются, используются в повествовательных целях. В остальном любая ссылка на реальные факты и реальных людей считается чисто случайной.

Или почти случайной.

КАЖДОЕ ПРОКЛЯТОЕ УТРО

В Галати Матертино в Сицилии, Калоджеро Эмануэле сказал «Бау», он встает на час раньше и знает, что ему придется начать еще один день, работая в администрации. Как и у многих сицилийских отцов, его дети разбросаны по Италии по рабочим обстоятельствам и, конечно, эта удаленность не может не заставить его вставать с постели более грустным. Каждое чертово утро. Весна только началась, и здесь, в горах Неброди, солнце еще робкое. На рассвете оно восходит с горы Рафа и отбрасывает несколько теплых лучей на морщинистую плитку главной площади затерянной деревни, куда оно еще не доходит, чтобы согреть колючий воздух и онемевшие тела тех, кто начинает свой день. Калоджеро Бау пьет кофе в баре Чичио, курит вторую сигарету рассеянно глядя на не многочисленных прохожих и величественную церковь. В этот самый миг его сердце заколотилось. Он подумал о Доне Пеппе, Эмануэле произнес «Люпило», его отец умер всего несколько лет назад, эта церковь опора всегда занята организацией праздников, подготовкой разных месс, способная отдать себя безоговорочно на служение Господу и духовенству. Иногда Дон Пеппе мог показаться немного угрюмым, но на самом деле он был просто древним, в хорошем смысле этого слова, человеком немногословным и способным. Когда он покинул мир, казалось, что неф церкви рухнул, но еще

хуже, было его сыну Калоджеро, он посвятил отцу свое существование. Калоджеро Бау женат, у него трое юных детей, пожилая мама и сестра «Скетта», она все еще живет в Галати. Он работает в муниципалитете (что роскошь в наши дни) и он тянет лямку вперед как может. Кофе, пара сигарет, а затем, на борту своего «Фиат Пунто блю», отправляется на службу в муниципальный архив, что на выезде из деревни, по дороге в Торторичи. И так каждое чертово утро.

ПОБЕГ В ТРУНГАЛИ

День холодный и хмурый. Я встретился с моими друзьями из района Пильери в лесу, неподалеку от Трунгалли. Немного жуткое место из-за присутствия разрушенной церкви, о которой в Галати Мамертино рассказывали ужасные вещи. Турэ С., который наш главарь, решил построить там хижину, поблизости от небольшого протока. По его словам, это должно стать испытанием мужества. Мы перетасили туда несколько деревянных досок, моток железной проволоки, украденной на стройке, и другие инструменты, необходимые для достижения цели. Мы работали более двух часов, пока не построили наше убежище. Мы были детьми, и строительство хижины в лесу для нас важная миссия. С нами деревянные мечи, луки, украшенные шпагатом, и воображаемые враги; мы должны быть, по-своему, бесстрашными. Раскусив по паре фундука и несколько незрелых каштанов внутри нашего укрытия, мы заметили, что с неба, все более и более мрачного, начали падать капли. Частота дождя усилилась, и крыша из листьев больше не могла укрывать всех нас. Мы бежали смущенные и в замешательстве, кто-то отправился по лесу, другие спустились ниже по течению, я как-то смог укрыться под аркой на входе разрушенной церкви Трингалли. К содроганиям от холода добавился озноб ужаса, и постепенно начал охватывать меня. Руины храма защищали от дождя,

но не от страха. Напротив.

Ходили слухи, что неподалеку, столетиями раньше умерла молодая девица. В попытке спастись от лап барона Галати, хозяина этих земель, желающего овладеть ею, девушка трагически погибла, бросившись на недавно подстриженные острые стволы ореховой рощи. Барона никто не обвинил в попытках расправы, и смерть молодой женщины прошла как роковая неприятность. Несмотря на безнаказанность в глазах людей, барона захватили угрызениями совести, и, пытаясь очистить свою душу, он решил построить на месте преступления церковь. Но решение оказалось безумным с самого начала, и стало предвестником неясных предзнаменований и ужасных несчастий. В одну из летних ночей, вспыхнул разрушительный пожар, таинственно начавшийся с самой церкви, охватил весь окружающий лес. После трех дней яростной борьбы с огнем, казалось, посланного загадочной силой, пожар утих, последние вспышки потухли, открыв крестьянам уже обугленное тело барона. Каким-то неясным образом месть юной девицы полностью свершилась.

В тот момент, как я думал об этой жуткой мести, мои ноздри сбила странная вонь. Я бросил взгляд вглубь церкви, и из-под крапивы вырвался истошный вопль черного кабана. Он не отступил от моих криков, не отступил ни на шаг, скорее наоборот, явно собирался нацелиться на меня. И ужас совсем поглотил меня, когда появилось то, что раньше казалось лишь опасным ощущением. Выводок черного кабана

появился рядом со мной. Я понял, что нахожусь в худшем из положений: между матерью и ее питомцами. В мгновение ока я кинулся в бегство, мне показалось самым надежным и верным решением, если бы только один из тех диких маленьких кабанят, не решил бежать передо мной, я как будто гнался за ним. Вы должны понимать, что разъяренная мать, поняла об опасности оставшегося потомства, и бросилась на защиту беглого малыша. Внезапно сцена стала парадоксальной. Я попытался уклониться со священной тропы, чувствовал, как мои руки раздираются ветвями кустарника, а ноги наполнились зудом от крапивы, которую я навязчиво косил в попытке спастись. Пронзительные стоны несущегося поросёнка заглушили яростные вопли черной матери покрытой шерстью и гневом, и ни один путь более мне не казался безопасным. Уже в изнеможении я споткнулся о настил из листвы, ставший скользким от проливного дождя, и, обернувшись, понял, что у меня больше нет выхода. Я только успел предупредить обрушивающийся на меня тяжелый, глухой удар.

* * *

Отдача от посадки.

Шасси коснулись земли, отдалив меня от странного кошмара. Я посмотрел на часы: 08.40. Самолет довольно пунктуален.

Я поднялся, все еще в шоке от многострадального сна, потянул вниз полку багажного отсека и включил мобильный

телефон. Другие пассажиры сделали то же самое, возвращая телефоны в обычный режим, зазвучал навязчивый, концерт сигналов, перезвоны, гудки. Люк открылся, свет Палермо проник внутрь кабины самолета. Вскоре за пределами самолета, еще до того, как я добрался до трапа, воздух моей земли наполнил мои легкие и сердце.

Когда я переезжал на автобусе из аэропорта на вокзал, рядом со мной промелькнул монумент в память о резне в Капачи.

Какая бесконечная печаль! Горькая стела, возведенная в память о неизъяснимой боли, кровавом пятне в истории острова, забитого мафией.

После долгого путешествия на поезде по побережью Тирренского моря в направлении Мессины, я вышел на остановке Святой Агаты в Милителло, где меня ждали мои друзья. Вот мы и въехали на одну из многочисленных улиц, ведущих на Неброди.

Я видел, как моя страна устало цеплялась за гору, и, после быстрого перекуса, я заснул, на этот раз безмятежно, убаюкиваемый воздухом бледной весны, что все еще пыталась парить в воздухе, там, на Галати Мамертино в Сицилии.

ОДИНОЧЕСТВО

В пять часов по полудню мать нарушила мой отдых, побеспокоив меня соблазнительным горячим кофе. Она знала о моем желании увидеть площадь и старых друзей после многих месяцев, проведенных более чем за тысячу семьсот километров. Мне сорок лет, двадцать из которых прошли на севере, полжизни, что равно в действительности целой.

Кофеин тут же привел меня в движение. В шесть я вышел на площадь. Прогуливаясь по старому району, я испытывал сладостное чувство, будто листал альбом воспоминаний, чувствуя, как в груди сжимается мое сердце. Все прошло. Там, на улице Пилери, остались только камни домов, а здесь, на дне моего сердца, лежат валуны, гораздо более тяжелые, чем память.

Калоджеро Бау первый сельчанин, которого я встретил. Я не смог отказаться выпить с ним еще кофе в баре Чик-Чио. Он рассказал мне о своих детях и особенно о Илени, старшей, она по телефону рассказала своему отцу, что осталась очень взволнована после прочтения моих рассказов. Затем он начал рассказывать мне о своей работе в архиве и о том, как со временем увлекся чтением старых записей о рождении и смерти, в частности о конкретных записях про исчезнувшие фамилии или, как он сказал мне о «древних вещах».

Никогда бы не подумал, что Калоджеро Бау может развить

во мне такое любопытство. Хороший человек, без тени сомнения, скромный, симпатичный, но, конечно, никогда не казался мне тем, с кем можно касаться таких специфических и конкретных тем. Наоборот, он невероятно меня заинтриговал. Я даже согласился снова вдохнуть пассивный дым его очередной сигареты, и, выйдя из бара, мы сделали пару шагов по площади Святого Джакомо. На мгновение я мельком увидел, как мой отец сидит в центре Мастеров-Ремесленников и читает «Вестник Юга». Именно в это короткое мгновение я действительно ощутил себя дома. Калоджеро Бау снова рассказывал мне об архиве. В действительности, он не мог рассказать мне ничего другого, но не изменил во мне жгучего любопытства и желания ознакомиться с бумагами, о которых он мне повествовал. С сумерками я забрал отца после его последних вечерних дел, и мы вместе в обнимку пошли домой. Недалеко от двери, благодаря ясному небу, на меня нахлынуло неудержимое желание отправиться к горе Рафа.

Оттуда панорама не имеет себе равных в любое время дня, но вечер на Рафе чистая поэзия! На закате, солнце уступает место луне и звездам, и, тем не менее, прежде чем умереть, ему удастся придать вид на Тиррено и Эolie стоящие в отдалении. Казалось, что острова, вот-вот поглотят воды, но их никогда не затапливало. Они пребывают в вечном равновесии, как бы охраняемые небесным заветом, что поместил их туда навсегда. Действительно, я знаю, правду, эти острова мы, изгнанные дети этой земли, теперь оторванные от нее.

Так близко к сердцу, но так далеко от тела, мы можем прикасаться друг к другу иногда, только время от времени. Почему так случилось, что в один прекрасный день, мы как изгнанники, отрезаны от наших корней, несправедливость судьбы, что осуждает землю и ее детей, вот уже по крайней мере два столетия.

Темная воля, полностью предназначенная для зла, она превращает нас в острова изгнанников.

На север, в Германию, в США, в Австралию. Маленькие, большие острова детей, украденных у их материнского Острова.

Архипелаг одиночества.

ВЕРИТАС

Я уверен, что однажды я открою секрет, почему тот же самый сорт кофе, который пьют на юге, вводит в ваше тело дозу кофеина, которая кажется тройной по сравнению с дозой кофеина в Ломбардии. Это вода, это воздух, это какое-то странное психологическое подсознание, но эффект от глотка сравни ведро с ледяной водой, внезапно ударившей в лицо.

Калоджеро Бау соблюдал пунктуальность. Привычный кофе и обычная сигарета, после чего мы направились в сторону архива. Во время короткого путешествия вдалеке показалась падающая церковь Трунгали, она вернула меня в кошмар вчерашнего дня. Все казалось настолько реальным, что, как только я вспомнил, меня охватил озноб страха.

Архивы располагались в холодном и сыром подвале; не думаю, что с того времени многое изменилось. Солнце никогда не попадает и находится практически на окраине города. Я не завидую тем, кто там работает, и не завидовал им тогда. По крайней мере, тогда я встретил ожидающего меня Бастиано Монтанья, помимо всего, мой давний и близкий друг, оказался сотрудником офиса. Мы сердечно поприветствовали друг друга, он уже знал о моем приезде и, поговорив о былых временах, отвел меня в комнату, где хранились самые старые бумаги девятнадцатого века. Там хранятся свидетельства о рождении и смерти, журналы регистра-

ции браков, различные другие отдельные листы и множество упаковок. Говоря техническим термином, официальные регистры почти, все в виде типографских размеров, типичного формата для той эпохи. Скрепленные из расчета по одной на каждую сторону корреспонденции, год отсчета каждого регистра написан на фасаде синим карандашом.

Я сел и стал листать дела и документы. Почти все они состояли из заранее напечатанной основы, а переменные части заполнялись вручную. Я взял наугад 1856 год. Курсив письма показался мне гармоничным, я сразу понял, что те, кто составлял личные документы, изучали правописание в школе, в ту эпоху достойно роскоши синьоров. Фактически, из подписей, поставленных под документами, я обнаружил, что тогдашний мэр, еще выполнял и роль офицера по актам гражданского состояния, составлял реестры. Я уже знал, что в то время мой Галати назывался «Галати» без приставки «Мамертино», ее присвоили в 1912¹ году, но я не знал, что она принадлежит району Патти. Совсем не плохо. Вместо этого я наткнулся на приятные диковинки. Я обнаружил, что в городе частично сохранились те же кварталы, что и сейчас, некоторые фамилии еще не получили широкое распространение, а другие со временем потерялись; я прочитал о наличии особенно плодотворного текстильного сектора, настолько распространенного, что многие женщины в рубрике «профессия» фактически записаны «прядильщицами».

Вместе с обычными регистрами в некоторые годы к ним

прилагался необычный регистр, называемый «проекты». Я даже не знал, что означает у них слово «проект». После быстрого поиска в мобильном телефоне я обнаружил, что «проект» означает просто «подкидыш», новорожденные, брошенные при рождении по разным причинам: бедность или, увы, даже просто потому, что они оказались нежелательными. Чтобы восполнить явление по-человечески и по-христиански, в муниципалитете Галати, Анну Гварнера назначили как «акушерку и благочестивую приемщицу проектов». Поблизости от Пекарни находилось колесо для приема подкидышей и предупредительный звонок². Однажды, Анну Гварнера, набожную приемщицу, разбудил звонок, предупреждающий о прибытии брошенного младенца. Она поспешила забрать его, присмотрела за ним до утра, а затем пошла в ратушу. Здесь вместе с мэром и несколькими свидетелями приступили к итоговому обследованию состояния здоровья младенца и его официальной регистрации. В тот же день приходской священник Матриче на первой мессе совершил крещение, наложив имя, выбранное присутствующими (если у ребенка не находили какой-нибудь записки предполагающей ему имя). Таким образом, в регистре проектов хранились протоколы, подобные офицер по гражданскому статусу составлял на каждого обнаруженного новорожденного, жив ли он или (к сожалению) даже мертв. Практически весь документ заполнен от руки обычным гармоничным курсивом³, и по этой причине некоторые части трудно читать, но не слыш-

ком повлияло на общее понимание.

Джакомо Маджоре, Сальваторе Мунди, Джулия Конделли, Катерина Фрагале, Анна Санталусия - вот некоторые из тех фантастических имен, которые, в отсутствие дополнительных указаний, присвоили подкидышам во время регистрации.

Я покинул архив около 11.45 утра, в регистрах всегда повторялось одно и то же, только имена менялись и мало что еще. В конце концов, подумал я, это все еще записи реестра.

По возвращении домой, я обнаружил, что стол уже накрыт, холод заставил меня сжечь много калорий, и еще до того, как вся семья пришла, я жадно съел неопределенное количество горячих хрустящих картофельных фрикаделек и блинчиков из чертополоха, их аромат я до сих пор помню.

После обеда усталость, не заставила себя знать, я немного задремал, и приблизительно в три с четвертью, проснулся от сообщения Бастиано Монтанья. Он спросил, можно ли убрать записи, с которыми я консультировался, или я зайду посмотреть еще раз. Но что еще можно здесь увидеть? Фактически, записи мне напомнили какой-то хаос, хаотично сложенный, развалы, без точных дат. Возможно, холод способствовал лишению меня любопытства, но я решил посвятить себе еще один день обучения.

В половине четвертого я снова отправился в архив. Я не намеривался вытаскивать другие заплесневелые коробки с полок, кстати, они все настолько пропитались влагой, что

рисковали расслоиться. Комната, где они лежали, освещала тусклая, мерцающая лампа. Я представил себе, как нездоровый воздух разъедает электрические контакты, и я подумал воспользоваться функцией «фонарика» в моем мобильном телефоне. Беспорядок бушевал, ящики битком набиты актами, завещаниями, сборниками бурбонских указов, теперь разорванными в ключья кодексами, коллекциями законов, уставов, концессий, частных описаний. Бастиано принес мне красивую пергаментную книжку. Он достал ее из коробки церковных книг, или так он мне сказал. Деревянный ящик, хранился в темном углу и хранил договоры, контракты, акты дарения, завещания, наследства, огромное количество документов, очевидно, относящимся к богослужениям и церковным темам, а не к гражданско-муниципальной переписке. Там же хранился служебник, молитвенник, седьмого столетия Важные выступления принятия хорошей смерти какого-то Джузерре Антонио Бордони, и текст на латыни *Epitome thologiae moralis ad confessariorum examen expediendum*, опера Микеле Манзо под редакцией в Неаполе в типографии Паскуале Тицциано (датировано 1836), Узкое мистическое учение Отца Джианнотти из Перуджи (середины '700), обширная коллекция проповедей отца Да Лоиано изданная в Неаполе в 1827 году.

Меня поразил, в частности, ряд томов библии с обложками из пергамента, с позолоченными украшениями на корешках, входящих в состав Священного писания правильного

Вульгата, издание на латинском языке и вульгарно, которые объясняют смысл литературный и духовный, взятые от святых отцов и церковных авторов, священника синьора Маитре ди Саку, под редактированием в Неаполе в 1786 году издано Гаэтано Кастеллано. Не хватало многих томов, несмотря на это, труд казался поистине колоссальным. При первом анализе полный сборник мог содержать не менее сорока томов. Я получил только дюжину, но этого достаточно, чтобы привести меня к первому важному открытию. По крайней мере, тексты (но я также представил себе другие церковные книги) происходили от исчезновения Святой Агаты Галатской, в свое время ее принял орден монахинь Клариссы. Я заметил, что в каждом из сохранившихся томов всегда повторялась одна и та же, тревожная рукописная записка:

*Sor Clara Rosa Girgentani Custos Veritatis*⁴

Какую истину могла хранить Клара Гирджентани? Я мог только надеяться, что открою что-то из других томов. Я вытащил их из ящика один за другим и положил на письменный стол архива; кто знает, как давно они не видели солнечный свет! Их двенадцать, некоторые невероятно хорошо сохранились, как например Том XIII, содержащий две книги Параполименов или том XIV пророков Ездеи, Неемии и Тобии. Сохранность состояния других томов однако, скомпрометировала влажность, воздействию которой они, подвергались и кто знает, сколько лет она увеличивала процесс распада. После первого анализа, я устал и сел за стол, даже про-

сто читая в течении десяти минут страницу, я ощутил некоторую усталость, символы, как правило, очень мелкие, возможно, чтобы сделать книгу более крошечной и карманной, и некоторые почерки очень отличалась от нынешнего стиля (буква “s”, например, выбитая символами печати больше походила на сегодняшнюю “f”). Листы, хрупкие и тонкие, пропитались влагой и почти прилипли друг к другу. Несмотря на усталость, что сразила меня, я заметил обрез на корешке одного из томов⁵; дополнительная особенность заключалась в двух совершенно разных цветовых оттенках, первая половина соответствовала общей цветности книги (более поздняя) а более темная изношенной части. Я открыл текст Том X Нового Завета, содержащий послание святого Павла II Коринфянам и послание Галатам.

Я оказался в ступоре.

Вместе рукописной заметкой, присутствующей на других текстах, выбит прямоугольный вырез, который гласил: *Ex Libris u.J.d. a. Raymundi M.Musumeci Paroch. s.J.b. Syracusis.*

На ощупь я понял, что в действительности там бумага, протянутая изнутри, и, слегка подержав страницу на солнце, заметил, что под листом бумаги что-то написано. Но в тот момент я не мог слишком много возиться с текстом, чтобы освободить скрытую надпись, и консультироваться по ней. Клерки суетились вокруг моего письменного стола, я мог привлечь их любопытство. Кроме того, отсоединение бумаги, не разрушая надпись внизу, требовало определенной ра-

боты и необходимости использовать инструменты, которых у меня не с собой нет. С наступлением сумерек совсем стемнело и пришло время уходить. И все же теперь любопытство пожирало меня. Под предлогом убрать фолианты в деревянный ящик, я отнес их в темный шкаф. Итак, фолианты вернулись к своему долгому отдыху, а Том Икс «решил» пойти со мной. Я поступил плохо и даже сожалел, но на расстоянии прошедшего времени признаюсь, что поступил бы так снова.

ερηκα (ЕУРЕКА)

Извлекая бумагу, не ставя под угрозу надпись внизу, я подумал об особой технике. Нагрел немного воды в маленькой кастрюле и кисточкой, украденной у моей племянницы, смочил поверхность листа. Бумага похожа по размерам на записочки, что крепятся к свадебным конфетти. Несмотря на мою явную неуклюжесть во всем, что связано с легкостью руки, я тщательно продумал, как удалить дополнительный листок. Когда я извлек тонкий листок обнаруженной бумаги, то сразу просушил с помощью фена еще очень сырую поверхность, чтобы не расплылись чернила и не свести на нет всю проделанную работу (иногда заголовки YouTube на что-то нужны). И вот что всплыло:

Sicut prediximus et nunc iterum я говорю: *Si quis vobis evangelizaverit praeter id, quod accepistis, anathema sit*⁶.

Я не впал в уныние, полагая, что речь идет только о канцелярской псевдо стране монахини из клерикала. Я ощущал наличие общей нити и сильной связи, между началом от Калоджеро Бау и Бастиано Монтана и тем, куда меня привело. Я переписал фразу, как предложил Google. Возможно, это мелкий, дешевый и ненаучный метод, но, в конце концов, поисковая система полностью выполнила свою задачу. Латинская надпись являлась стихом из Святого Послания Павла к

Галатам, того же послания, содержащегося во второй части этого тома. В глаза мне сразу же попался ассонанс Галати / Галати.

Что это за фраза?

Откровение?

Напоминание?

Подсказка?

Сегодня я бы назвал это просто: дверь. Тайный порог входа в историю, которую даже сегодня я ношу в сердце, и назову «трагической», потому что она слишком редуцирована, или «романтична», и мало исчерпывающая.

Следуя обнаруженной записи, я открыл том Послания Святого апостола Павла к Галатам. Но, к моему удивлению, страницы послания отсутствовали, их полностью удалили. Вместо послания Паолине, тщательно и с тщетностью, вставили рукописную книгу. В своей первоначальной форме книга имела несколько большие размеры, но для того, чтобы лучше замаскировать ее внутри тома X, монахиня Кларисса уменьшила ее размеры, тщательно подрезав края, и они идеально соответствовали новой книге-контейнеру, превратив артефакт своего рода «книгу в книге». Только внимательное разглядывая оборотную сторону тома, можно различить хроматическое различие между первой частью, что оставалась оригинальной, и последующим дополнением, но открытие не моя заслуга, поскольку только удача позволила мне зацепить взглядом книгу, разложенную среди других, раскры-

ла маленькую, отличную от других деталь.

Библейский фолиант скрывал в себе рукописный дневник.

В последующие дни чтение и анализ обнаруженного, полностью убедили меня, я ввергнут душой и телом в события, раскрывающиеся на моих глазах, и в то же время я посвятил себя безумному поиску доказательств, свидетельств, сочинений, которые раскрывали мне большее значение, чем факты, рассказанные в упомянутом дневнике. Я повторно обратился в Государственный архив Палермо, Региональную Библиотеку, в Епископство, и был вынужден снять комнату в отеле в Панормсе, в нескольких минутах ходьбы от театра Политеамина. Именно оттуда я каждое утро выдвигался в поисках хоть каких-то новостей, каких-то следов, цепляясь за указания, действительно очень скудные, что присутствовали в дневнике. До моего возвращения в Ломбардию оставалось несколько дней, и у меня не было ни минуты передышки. В течение короткого времени я активировал обширную сеть исследований через мои контакты в направлении древних книг и исторических событий сицилийской пост-Рисорджименто. Я злоупотреблял терпением по отношению ко мне Рэйчел Боргезе, молодой владелицы «Волшебных страниц» в Кьярамонте Галфи, магазина старых книг, постоянным покупателем которого я остаюсь, и которая регулярно снабжала меня недоступными текстами и интересными моментами сицилийской истории. Я робко

признаюсь, что я беспокоил бедную Рэйчел в любое время дня и, в некоторых случаях, даже ночью, чтобы узнать новости о каких-либо библиографических открытиях. Я (я полагаю) вызвал гнев и неприязнь ее молодого мужа, которому я пообещал передать копию моего текста вместе с бутылкой свежего масла с моих земель в защиту моих неотложных просьб. Вместо этого я поручил компьютерное расследование от своего близкого друга Сальво Лечче, он провел много ночей в Милане в онлайн-архивах, региональных ОРАС и межбиблиотечных службах в поисках данных и текстов, которые могли бы мне пригодиться. Кошмар вернулся. Я снова встал на путь, полный ежевики и крапивы, но на этот раз меня преследовал не гнев свиньи, а жажда истины.

Я просто надеялся больше не поскользнуться, потому что прекрасно знал, насколько скользка дорога Истории.

ДРУГОЕ ЕВАНГЕЛИЕ

Скрытому дневнику предшествовало, в свою очередь, начальное краткое описание, написанное явно женской рукой:

Сестра Клара Роза,

Настоятельница Монастыря Святой Агаты, одна из дочерей Святой Клары из Ассизи, что происходит в стране, Галатии. На рассвете, в этот новый год Домине 1866, я пишу, что мне передано на хранение, в память о подвигах Джованни Дарко, заочно приговоренному законами Королевства Италии за разбой, подстрекательства к мятежу и за дезертирство на призывной службе, убийства и кражи, и бандитские грабежи с 1863 года и по-прежнему горько, что их ищут в горах, и в других местах. Как о дорогом сыне, я храню его в вечную тайну и свидетельства о реальных фактах, что произошли, для того, чтобы рассказать другим, как все было на самом деле, а не написано в истории, я держу в сердце веру и в храню памяти человеческой образ сына земли Галатов, как он смело выступал против оккупации новых и старых хозяев, но теперь даже наши священные обеты и наши святые церковные учреждения угрожают, не боясь человеческого суда и тем более Божьего, которому они подвергнутся в один неизбежный день.

В прошлом году, примерно в третьей декаде апреля военные, прошли по улицам города и других окрестностей, и

криками, объявили⁷ об окончательном освобождении Гор Неброди от нападений разбойника Джованни Дарко. Он на протяжении более двух лет держал в узде военных нового царства настолько сильно, что потребовалось присутствие на острове военных сил из Пьемонта. Эта депеша, опубликованная в полном объеме и размещенная в качестве угрозы на стенах всех городов округа, гласила:

«Руководящая делегация поздравляет Армию Карабинеров королевства, берсальеров и всех верных и честных людей, которые с момента зарождения злой банды преступников, созданной и возглавляемой разбойником Джованни Дарко, оказали службу Суверенному королю и Официальным органам. Упорство и неоценимая верность военных окончательно одержали верх над преступной группировкой, расположенной на высотах Неброди. Мы даем время и возможность беглецам и сообщникам заявить о себе и сложить оружие с миром в течение 10 дней с момента этого провозглашения. После истечения этого срока, злодеи, и те из них, которые впоследствии будут арестованы и осуждены, подвергнутся смертной казни через повешение».

Даже среди крепких и священных стен монастыря доносилось эхо слов и у входа в Храм Богоматери, на следующую ночь я прочла посмертную молитву по душам умерших с двух сторон. Несколько дней спустя, когда в Успенском соборе⁸ собрались священники из близлежащих церквей, и воды немного успокоились, на меня указал, украдкой в моем

присутствии Дон Нофрио Клетофонте, протоиерей Никосия. Он попросил меня об аудиенции и к моему удивлению, вложил мне в руки этот дневник, подтверждая, что я назначена Богом и автором, чтобы получить, охранять и защищать его. Протоиерея спустя восемь дней взяли берсальеры и расстреляли на главной площади с двенадцатью другими повстанцами. Я с прискорбием наблюдала за происходящим и читала у себя в келье. Теперь, когда я боюсь за свою собственную жизнь и чувствую, что конец близок, я спрятала среди писем к Галатам, нарушителям истины и фактов спустившихся на землю Галати за то, кем они были в действительности, смельчаки, борцы за свободу, в надежду, когда-нибудь их земля придет в руки честных людей, чтобы наконец, стать бессмертным свидетельством света и истины против мрачного мрака лжи.

Мне сразу стало ясно, что начало составлено той же рукой, что и на всех других фолиантах, прикрепленных к рукописной записке (*Sor Clara Rosa Girgentani Custos Veritatis*), и в томе X указан путь к разгадке тайны, если восстановить стих Святого Павла, скрытый картулой. Сестра Роза хотела обратить внимание на эту работу (Священное Писание, право, Вулгата), а затем направить интерес именно к письму Галатам и, следовательно, к дневнику, который она так умело скрывала. Мне стало ясно, что эта книжка стала предметом беспощадной охоты, и я сразу же начал жадно читать. Речь шла, как уже упоминалось, о дневнике автора Джован-

ни Дарко (или Д Арко), разбойник глава «злой банды» объекта критики, о которых говорила в писаниях монахиня. Я не понимал, какое свидетельство у меня на руках. И все же на какое-то мгновение я испытал те же ощущения и почувствовал те же эмоции, что и тогда, когда в детстве после обильного снегопада я с огромной привилегией бросился первым по свежему, мягкому, неизведанному снегу.

Прочитав, я нашел там и письма. Понял, что читаю всего лишь копии. Там были ссылки и стирания, существовали термины, впоследствии замененные другими, заметил полностью удаленные части, другие небольшие дополнения то здесь и там. Мне показалось очевидным, что письма доставленные получателю (к девице Эуфимии Челесте), очевидно, переписаны в красивом стиле, в прекрасный экземпляр, послание и на другой лист, да так, что после каждого «плохая копия» находилось в разрыве последующих страниц, памяток. Меня удивило, как, Джованни Дарко, разбойник, отданный молодым на растерзание, оказался невероятно образован. В то время существовала повсеместная неграмотность, как правило, многие разбойники даже не умели читать собственные даты и не могли произносить свои имена, развешенные как разыскиваемые на стенах городов и поселков. С другой стороны, он показал отличное владение терминами и мышлением, и я обнаружил в процессе исследования причину его способности.

Во время моего пребывания в Палермо, Ракеле Боргезе

организовала для меня доставку экспресс посылки, состоящий из конверта, содержащего Общую форму всех судебных актов, Луиджи Тиррито изданный в Палермо в 1859 году, внушительное собрание Коллекции Законов и Королевских Указов Королевства Двух Сицилий, организованное для выравнивания земельного Кадастра Сицилии, составленных в Палермо 1856, уставы гражданской администрации в 1857 году и, прежде всего, воззвания Королевства двух государств, завоеванного Гарибальди, и последующие акты, опубликованные типографией Фибрено из Неаполя в 1862 году. Ракель не могла найти ничего о событиях связанных с пиратами, происходящих из страны Джованни Дарко, но изучение законов Бурбонов и последующих декретов Гарибальди помогает мне понять законодательный, социальный и человеческий контекст, в котором происходили события.

Невероятно, однако, самая большая новость застала Калоджеро Бау. Я активировал его (без обязательств и с небольшими надеждами) в поисках каких-либо заглавных актов, касающихся Джованни Дарко, не имея возможности предложить ему информацию, кроме имени (если оно верно?), и однажды вечером, когда я останавливался в «Панормосе», он позвонил мне. Он нашел его! Я немного успокоился. Он рассказал мне, что просмотрел все журналы с 1828 года и далее и, наконец, номер заказа в пятом Реестре удивительного проекта 1839 записан акт о находке младенца с рукописными записями на обороте, он позаботился отсканировать его

для меня, и отправил мне по электронной почте.

Я читал его с голодной жадой:

Внеочередной регистр проектов 1839 года

Номер заказа 5

В 1839 году в день 30 марта, перед нами, доктор Микелле Еммануэле, Мэр и представитель актов Гражданского Состояния Муниципалитета Галати, Район Патти, Провинция Мессина, подтверждает появление синьоры Анны Гварнери 48 лет по профессии акушерка, проживающей здесь, в послании к Галати, которая подарила нам младенца, и заявила, что таковой найден в арке района общественной пекарни, сегодня, в восемь часов, без матери и отца. Мы определили его возраст в несколько часов, без каких либо знаков и сигналов на его закутанном в лохмотья тельце, мы присвоили ему имя Джованни Д'Арк. Заявление и представления вышеперечисленных производится в присутствии Джузерре Папотто 42 лет, по профессии сапожник, проживающий здесь, в послании к Галати, и Джакомо Анцалоне 38 лет по профессии фермер проживающего здесь, в послании к Галати, свидетели выступили в настоящем законе, вместе с синьорой вышеуказанной Анной Гварнери. Данный сформированный акт, внесен нами в реестр, зачитан регистратору и свидетелям и, следовательно, в день, месяц и год, как указано выше, подписан нами, ибо свидетели не знают письменности.

Микелле Эммануэле Мэр

Джакомо Анцалоне свидетель

Джузеппе Папотто свидетель

Таким образом, разбойник Джованни Дарко подкидыш, почти наверняка родился в Галати в ночь на 30 марта 1839 года и найден в публичном колесе. Серия коротких рукописных заметок с обратной стороны страницы гласила:

11 января 1863 года. Признанный виновным военным трибуналом, не имеет права на освобождение, приговорен к пяти годам лишения свободы.

9 июня 1863 года. Виновный в убийстве и создании вооруженной банды, разыскивается в горах Неброди, как разбойник, названный Джованни Дарко. Заочно приговорен к смертной казни.

Потом ничего больше. Кто проставил эти короткие заметки и почему? Какие-нибудь правительственные чиновники? Берсальеры? Конечно, почерк не принадлежал почерку мэра Микеле Эммануила, и там не написано ничего, что могло бы помочь мне, но это подтверждало подлинность вновь найденного и верные предостережения сестры Клары Розы, хранительницы дневника. Подкидыш из Галати Джованни Д'Арк попадал под обязательный призыв, введенный правительством диктатора и находился в бегах. Всего за пять месяцев в двадцать четыре года он потерял апостроф, но стал разбойником, названным Джованни Дарко.

Каждый пазл зашел на свое место.

Последний день я провел в Галати. После того как сфотографировал каждую страницу текста, я бросился к храни-

лицу, заглянуть в живой акт о рождении Джованни Дарко, и вскоре благодаря моей внимательности к сохранности вернул том содержащий дневник в исходное положение. У меня возникло небольшое сожаление, я подумал, что том немолимо обречен стать жертвой сырости, но надо мной преобладала моя честность и любовь к моей стране.

Как я изложил ниже, я воздерживаюсь от каждого комментария и любого пересмотра. Я ограничился лишь объяснением самых трудных диалектических слов языка и письменности в самых сложных частях. Я не стал объяснять тогда и не объясню сейчас, откуда ко мне пришла такая удача. Но для того, чтобы я не мог не в чем упрекнуть себя, я стал лишь исполнителем заказа, что внутри меня. Я почувствовал сразу, свыше и ясно: дать свет истории, просто для того, чтобы, подчеркнуть истину, очищая ее, по истечении более чем двух веков, от «другого евангелие», которое проповедовало.

Так же, как и тот, кто его написал, охранял и хотел сохранить. Ценой собственной жизни.

Заранее извините, если у меня не получилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.